

Григорян Генрих Шамильевич

**Динамика численности и размещения этнических групп на территории
Москвы в 1897–1926 гг.**

Специальность 07.00.07 – Этнография, этнология и антропология

Автореферат диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Москва

2021

Работа выполнена на кафедре этнографии и антропологии Института истории Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет».

Научный руководитель:

Новожилов Алексей Геннадьевич – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой этнографии и антропологии Института истории Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет»

Официальные оппоненты:

Титова Татьяна Алексеевна – доктор исторических наук, профессор кафедры антропологии и этнографии Института международных отношений Высшей школы исторических наук и всемирного культурного наследия Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Казанский (Приволжский) федеральный университет» (КФУ), профессор.

Крякин Евгений Николаевич – кандидат исторических наук, приглашенный специалист департамента образовательных программ Института образования Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ).

Ведущая организация – Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова» (МГУ).

Защита состоится 8 февраля 2022 г. в 14.00 на заседании диссертационного совета Д 002.117.01 по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата исторических наук, на соискание ученой степени доктора исторических наук, созданного на базе ФГБУН «Ордена Дружбы народов Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН» по адресу: 119334 Москва, Ленинский проспект, 32а, корпус «В», 18 этаж, малый зал.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на сайте Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН www.iea-ras.ru

Автореферат диссертации разослан « ____ » _____ 202__ года.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Лейбова Наталья Александровна

Общая характеристика работы

Актуальность темы. Исследование населения Москвы является важной составной частью современного научного дискурса как в формате антропологии города, так и в рамках этнодемографии. Рост миграций в города изменяет в них соотношения между прибывшими из разных регионов выхода и этнический состав населения, а также способствует концентрации мигрантов в определенных районах, что оказывает значительное влияние на характер межэтнических отношений в урбанистической среде. Этнокультурные различия, зачастую выходящие на передний план в ходе контактов на территории поликультурного города, требуют понимания его этнической структуры и выявления закономерностей размещения этнических меньшинств. Время показало, что для сохранения устойчивости городского социума необходимо знать предысторию процессов, происходящих в современности. Такая постановка вопроса предполагает изучение истории формирования населения Москвы, в частности динамики расселения иноэтнических групп на ее территории, а также миграционных потоков, формировавших население города. В этом смысле одним из определяющих периодов для Москвы является конец XIX – первая четверть XX вв., когда под воздействием миграций мирного и военного времени ее этническая структура претерпела резкие трансформации. Тем не менее, несмотря на повышение интереса исследователей к московскому населению, период конца XIX – первой четверти XX вв. в его истории остается слабо изученным, что особенно характерно для времен Первой мировой и Гражданской войн.

Объект исследования – полиэтничное население Москвы, а именно 11 наиболее многочисленных этнических групп города в конце XIX – начале XX вв.: русские, евреи, поляки, латыши, немцы, литовцы, белорусы, украинцы, татары, эстонцы, армяне. Абсолютное большинство в населении города составляли русские, доля которых, однако, существенно снизилась под влиянием миграций из западных регионов России за время Первой мировой войны и в первые годы советской власти.

Предмет исследования – динамика численности и расселения этнических меньшинств¹ на территории Москвы в указанный период времени. На основе переписей населения, домовых книг и других источников, проанализированы изменения в численности и локализации указанных этнических меньшинств по дробным административно-территориальным единицам Москвы в конце XIX – первой четверти XX вв.

¹ Здесь и далее выражение «этнические меньшинства» используется в качестве сопоставления с русским большинством.

Цель исследования – выявить изменения в численности и размещении основных этнических групп на территории Москвы, имевшие место в конце XIX – первой четверти XX вв.

Задачи работы:

1. Проанализировать этнические показатели, содержащиеся в дореволюционных и советских переписях населения Москвы за 1897–1926 гг., включая городские переписи.

2. Оценить потенциал домовых книг Москвы первой четверти XX в., как массового источника, содержащего сведения для определения этнического состава жильцов, а также регионов выхода, из которых они прибыли.

3. Определить этнический состав жильцов в ряде районов Москвы по домовым книгам на основе ономастического материала.

4. Проследить динамику локализации наиболее многочисленных этнических меньшинств на территории Москвы в 1898–1912 гг.

5. Охарактеризовать степень влияния вынужденных миграций периода Первой мировой и Гражданской войн на этническую структуру населения Москвы, а также состав прибывших по регионам выхода.

6. Определить тенденции, наметившиеся в направлениях расселения этнических меньшинств Москвы к началу 1920-х годов.

Территориальные рамки исследования определены границами Москвы, включая пригороды, выделявшиеся в дореволюционной статистике. В хронологические рамки исследования также укладываются два укрупнения территория Москвы 1906 и 1917 гг., в результате чего за 1897–1926 гг. ее территория увеличилась в 1,7 раза.

Хронологические рамки работы охватывают период конца XIX – первой четверти XX вв., в который произошла резкая трансформация этнического состава населения Москвы, формировавшегося в предыдущие столетия. Указанный период включал: бурный рост населения Москвы начала XX в., миграции беженцев во время Первой мировой войны, продовольственный кризис и отток населения из города во время Гражданской войны, переход к мирной жизни и восстановление численности столичного населения. Для этого начальной датой выбран 1897 г. когда Первая всеобщая перепись населения отразила демографию населения Москвы рубежа XIX–XX вв., а конечной – 1926 г., когда была проведена советская перепись населения, а миграционные процессы вновь приобрели черты, характерные для мирного времени.

Степень разработанности темы. Исследование расселения этнических групп на территории Москвы является составной частью этнографии/антропологии города. Существенное влияние на формирование городской антропологии оказала Чикагская школа

социологии, зародившаяся в 1920-е гг. Такие ее представители как Р.Э. Парк, Э.У. Берджесс, Р.Д. Маккензи, П. Крейси и др. называли свои исследования работами в области «экологии человека», изучая городские районы как своеобразные природные зоны, выделяющиеся по различным признакам.

Чикагская школа оказала влияние на последующее развитие всей городской антропологии. В 1960-х гг. в сферу советских этнографических исследований были включены город и городское население в целом прежде всего как очаги активных этнических процессов. В 1960–1980-х гг. культуру и быт горожан изучали Л.А. Анохина, О.Р. Будина, М.Г. Рабинович, О.Р. Шмелева, городскую семью как среду формирования этнического самосознания исследовали О.А. Ганцкая, Л.С. Соловей, Н.П. Борзых, Ю.А. Евстигнеев, этносоциологическое направление развивали Ю.В. Арутюнян, Л.М. Дробижева, Г.В. Старовойтова и др.

В современных работах по городской антропологии преобладающей тенденцией становится подход к этничности как одному из многих элементов культуры, а характерной чертой – преемственность и расширение проблематики. Например, региональная специфика и общественный быт городского населения исследуют А.Н. Зорин, Н.В. Зорин, А.П. Каплуновский и др. Культурное пространство города, субкультуры, городская повседневность вызывают интерес таких авторов как А.С. Бреславский, Д.А. Алисов, О.В. Гефнер, Т.Н. Золотова, Н.Ф. Хилько.

Численное представление о динамике этнических процессов позволяют получить этнодемографические данные, в качестве источников для которых привлекаются переписи населения, данные административного и церковного учета. Во второй половине XX в. существенный вклад в развитие этнодемографии внесли Б.В. Андрианов и И.И. Пучков. С конца 1960-х гг. происходило ее теоретическое оформление в работах В.И. Козлова² и В.В. Покшишевского³. В последующем, в рамках этнодемографического направления работали С.И. Брук, В.М. Кабузан, Н.В. Юхнева. В работах Н.В. Мкртчяна⁴, С.А. Хрущева⁵ расширяются проблематика и подходы в рамках этнодемографии.

Наиболее близкими к теме диссертации, являются работы о населении Москвы конца XIX – первой четверти XX вв., ставшего предметом самостоятельных исследований со второй половины XX в. Такие советские авторы как Е.О. Кабо, М.Я. Выдро, И.В. Дзарасова, А.А.

² Козлов В.И. Этническая демография. М.: Статистика, 1977. 240 с.

³ Покшишевский В.В. Этнические процессы в городах СССР и некоторые проблемы их изучения // Советская этнография. 1969. № 5. С. 3–15.

⁴ Мкртчян Н.В. Демографическая ситуация и этнические процессы в России как базисные условия формирования перспективной миграционной политики // Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. 2005. Т. 3. С. 418–439.

⁵ Хрущев С. А. Этнические аспекты демографических процессов в странах Балтийского региона // Балтийский регион. 2010. № 4(6). С. 91–102.

Трифонов в большинстве своем касались этнического состава населения Москвы в контексте анализа его демографических показателей. Современные исследователи И.Н. Гаврилова⁶, О.М. Ульянов, Г.В. Былов и др. включили в круг тем о населении Москвы миграции и пространственную составляющую.

Также заслуживают внимания работы, посвященные отдельным этническим меньшинствам Москвы конца XIX – первой четверти XX вв. и проливающие свет на особенности образования соответствующих этнических общин города. Так, М.С. Куповецкий исследовал евреев Москвы, В.Г. Садур – татар, В. Деннингхаус – немцев, О.В. Солопова – белорусов, В.Б. Бархударян – армян.

Стоит упомянуть и об этносоциологических исследованиях современного населения Москвы, опубликованных за последние десятилетия и затрагивающих вопросы миграций, а также этнического расселения. Это работы, выполненные такими авторами как Л.В. Остапенко, И.А. Субботина⁷, М.Ю. Мартынова⁸, В.К. Малькова, Ю.В. Арутюнян, а также О.И. Вендина, А.Н. Панин, В. С. Тикунов⁹.

Таким образом, в условиях нарастания интереса ученых к населению Москвы, совершенно недостаточно работ о нем, посвященных периоду конца XIX – первой четверти XX вв., которые бы включали вопросы изучения истории формирования и этнического состава миграционных потоков, а также этнического расселения.

Методология и методы. Для решения задач исследования было необходимо извлечь из источников информацию об этническом составе населения и регионах выхода мигрантов, что определило выбранные методы. Особо важны для исследования такие категории как «родной язык» и «национальность», определения которым даны в инструкциях для переписей населения конца XIX – первых десятилетий XX вв. Содержательный анализ позволил выявить особенности их трактовки при разработке переписного материала, чтобы объяснить различия относительных показателей в результатах разных переписей населения.

Также был осуществлен источниковедческий анализ домовых книг Москвы как особого типа документа регистрации населения в первые годы советской власти. Определены особенности формирования структуры и содержания домовых книг при практическом применении общероссийских норм на местном уровне до и после 1917 года. Метод контент-

⁶ Гаврилова И.Н. Население Москвы: исторический ракурс. М.: Издательство объединения «Мосгорархив», 2001. 480 с.

⁷ Остапенко Л.В., Субботина И.А. Москва многонациональная. Старожилы и мигранты: вместе или рядом? / отв. ред. М.Ю. Мартынова. М.: РУДН, 2007. 353 с.

⁸ Мартынова М.Ю. Миграционные процессы и повседневная культура москвичей // Молодежь Москвы: адаптация к многокультурности / под ред. М.Ю. Мартыновой, Н.М. Лебедевой. М.: РУДН, 2007. С. 274–304.

⁹ Вендина О.И., Панин А.Н., Тикунов В.С. Социальное пространство Москвы: особенности и структура // Известия РАН. Серия географическая. 2019. № 6. С. 3–17.

анализа позволил установить наиболее употребительные понятия, характеризующие социальный, этнический, конфессиональный статус жильцов.

На основе этого массового источника информации была сформирована база данных жильцов 21 дома, которые локализуются на территории пяти милицейских участков Москвы в период с 1918 по 1921 год. Таким образом, материалы были сгруппированы, систематизированы и подготовлены для дальнейшего статистического анализа.

Опираясь на общую методологию исследования ономастического материала, произведена его языковая атрибуция в соответствии с антропонимическими системами, присущими наиболее многочисленным этническим группам Москвы в начале XX вв. Это позволило оценить этнический состав жильцов на основе анализа антропонимов в совокупности с вероисповеданием, регионом выхода, родственными связями, социальным положением.

В рамках сравнительно-исторического метода воспроизведена история формирования иноэтнических групп¹⁰ на территории Москвы до конца XIX в., посредством чего удалось проследить направления их расселения на территории города, выделить первоначальные и последующие места их концентрации.

Переписи населения и домовые книги явились основой для сбора данных, проанализированных с использованием статистических методов. Так, рассчитан коэффициент локализации, характеризующий относительное преобладание этнической группы в определенном районе Москвы в сравнении с его средним значением по городу¹¹. На основе данных о локализации рассчитано стандартное отклонение – статистический показатель, позволяющий оценить, насколько скученно или равномерно этническая группа расселена по территории города¹². Это позволило проследить изменения локализации этнических групп на территории Москвы в период с 1897 по 1912 год, описать динамику соотношения этнических групп в 1918–1921 гг. с учетом регионов выхода жителей, выявить тенденции в размещении этнических меньшинств на территории города в начале 1920-х гг.

Наглядность результатов исследования обеспечена посредством картографирования. На основе планов Москвы 1897, 1913 и 1925 гг. построены картосхемы, воспроизводящие административно-территориальную структуру города. В них отражены пояса Москвы, городские части, полицейские участки, отделения милиции, а также границы пяти районов,

¹⁰ Здесь и далее выражение «иноэтнические группы» используется в качестве сопоставления с русским большинством.

¹¹ Коэффициент можно выразить формулой: $K_n = \frac{ЭГ_n}{ЭГ_{об}}$, где K_n – коэффициент локализации, $ЭГ_n$ – доля этнической группы в населении городской части, $ЭГ_{об}$ – доля этнической группы в населении всего города.

¹² Расчет стандартного отклонения для генеральной совокупности произведен с помощью формулы в программе Excel. Для этого в пустую ячейку вписана команда =СТАНДОТКЛОН.Г и выбран вариационный ряд, в данном случае это значения локализации этнических групп в разных городских частях Москвы.

обследованных по домовым книгам 1918–1921 гг. Важным результатом картографирования и создания множества цветных картосхем явилось наглядное отображение динамики концентрации иноэтнических групп Москвы в 1897–1923 гг.

Источниковая база. Диссертация лежит в русле важного направления – этнографического источниковедения, в котором помимо традиционного изучения полевых материалов, значительное место занимает работа с результатами статистики, а также массовыми первичными документами, позволяющими получить сведения об этнокультурном составе населения. Сочетание этнографического источниковедения с исследованием московского населения конца XIX – первой четверти XX вв. определило привлечение широкого круга источников, основными из которых явились переписи московского населения, проводившиеся в 1897–1926 гг. и домовые книги Москвы 1918–1921 гг.

Из материалов переписей населения получены сведения о численности и этнической принадлежности населения Москвы в 1897–1926 гг. За этот период московское население было сосчитано в восьми переписях: всеобщих – 1897, 1920 и 1926 г.; городских – 1917 и 1923 г.; местных – 1902, 1912 и 1918 г. До 1917 г. основными этнодифференцирующими признаками в переписях населения являлись родной язык и вероисповедание, в советское время появилась национальность (народность), данные на их основе отличаются разной степенью достоверности. Не обладая высокой точностью, данные о родном языке в совокупности с вероисповеданием, тем не менее, дают представление об изменениях этнического состава населения Москвы и позволяют анализировать динамику расселения этнических меньшинств. В отличие от родного языка и вероисповедания, национальность (народность) в советских переписях 1920, 1923 и 1926 г. основана на самоопределении опрошиваемых, поэтому значительно более точно воспроизводит этнический состав населения Москвы.

Вводимые в научный оборот домовые книги явились источником сведений о непрерывной динамике этнодемографических показателей за четыре года, что позволило получить оценочные сведения об этническом составе жильцов московских домов в пяти участках города и использовать их совместно с переписями населения. Книги существенно дополняют исследование сведениями о формировании населения Москвы в 1918–1921 гг. по регионам выхода мигрантов, принадлежавших к отдельным этническим группам, а также позволяют получить оценочные сведения о локализации этнических меньшинств в пяти участках Москвы в 1920 г. Возможное снижение полноты сведений в домовых книгах преодолено путем отбора наиболее заполненных экземпляров. Важным фактором также является отсутствие принципиальных расхождений в показателях динамики численности населения Москвы в домовых книгах 1918–1921 гг. с результатами переписей населения того же периода. Тем не менее, опора на специфику выборки из домовых книг обязывает относиться

с осторожностью к интерпретации результатов расчетов, а также соотносить их с данными из других источников.

Для источниковедческого анализа домовых книг дополнительно привлечены нормативно-правовые акты, регламентирующие порядок их использования: Свод законов Российской империи, постановления и распоряжения московской городской полиции, периодические издания Московского градоначальства и столичной полиции, постановления Московского совета по жилищному вопросу, декреты СНК РСФСР, различные архивные документы государственных организаций, содержащие сведения об использовании домовых книг Москвы после 1917 г.

Важным источником для оценки изменений в этническом составе населения второй столицы во время Первой мировой войны явились вводимые в оборот ведомости о числе жителей по вероисповеданиям в г. Москве и Московской губернии за 1908–1916 гг. В то же время, необходимо учитывать, что данные текущего учета завышали численность населения Москвы в сравнении с переписями, а также не вполне точно отражали долю католиков, старообрядцев, протестантов и мусульман.

В дополнение к текущей статистике привлечено периодическое издание «Известия Комитета ее императорского высочества великой княжны Татьяны Николаевны», где публиковались сведения об этническом составе беженцев, прибывавших в Москву во время войны. В то же время Татьянинский комитет подсчитывал только официально зарегистрированных беженцев, поэтому существенная часть вынужденных мигрантов оставалась вне его учета. Сравнение данных о беженцах с общегородскими цифрами позволило уточнить долю этнических меньшинств Москвы, которая существенно возросла за военный период.

Сведения о площади Москвы, изменениях ее границ, а также административно-территориальном делении в конце XIX – первой четверти XX вв., почерпнуты из статистических ежегодников, справочников, атласов, исчислений населения, а также из общероссийских законов и постановлений. Они изданы на основе данных статистического отдела Московской городской управы, статистического отдела Московского совета, Московского статистического отдела.

Для наглядного представления материалов исследования привлечены планы Москвы за 1897, 1913 и 1925 г., отражающие изменения в частях и участках административно-территориального деления города.

Научная новизна. Получены новые данные о динамике расселения этнических меньшинств Москвы в первой четверти XX в. На основании результатов переписей населения установлены районы повышенной концентрации иноэтнических групп в городе, имевшие

тенденцию к смещению из его восточной части в западную. В то же время, несмотря на возможность свободного выбора места поселения в границах города, на юго-востоке Москвы концентрация большинства этнических меньшинств оставалась стабильно низкой.

Ввод в научный оборот ведомостей о вероисповедании жителей Москвы 1908–1916 гг. совместно с опубликованными данными о беженцах за 1916–1917 гг., позволил произвести оценку изменений этнического состава населения Москвы во время Первой мировой войны. Определены особенности резкой трансформации этнического состава населения города под влиянием мобилизаций, а также миграций беженцев и вынужденных переселенцев из западных регионов России. Установлена степень влияния миграций на долю основных этноконфессиональных групп в населении Москвы: православных (русских, белорусов, украинцев), католиков (поляков, литовцев, белорусов), старообрядцев (русских), мусульман (татар), протестантов (немцев, латышей, эстонцев), иудеев (евреев), армяно-григориан (армян).

В работе впервые анализируются домовые книги Москвы 1918–1921 гг. как массовый источник сведений, позволяющих определить этническую принадлежность и миграционную подвижность населения. Подробно рассмотрена структура формуляра книг и принципы его заполнения, содержание записей и особенности их внесения после 1917 года. В частности, выявлены изменения в заполнении некоторых граф, возникшие вследствие смены общественно-политического строя в России. Установлено, что книги содержат такие данные этнодемографического характера как фамилию, имя, отчество, регион выхода, вероисповедание, возраст, пол, семейное положение, даты прибытия и убытия и др.

На основе массовых данных из домовых книг удалось проследить тенденции в динамике этнического состава населения Москвы в 1918–1921 гг., который продолжал трансформироваться вследствие возврата беженцев на родину после войны. Были сопоставлены темпы убыли и прироста удельного веса разных этнических групп, а также их зависимость от региона выхода мигрантов. Выявлено, что за годы Гражданской войны снижение в Москве удельного веса немцев происходило преимущественно за счет выходцев их прибалтийских губерний, а среди отъезжающих поляков преобладали происходившие из Царства Польского. Тогда же наметился рост миграций еврейского населения в Москву из Украины и Белоруссии, что в последующем было характерно и для других этнических групп из регионов, вошедших в состав СССР (белорусов, украинцев, татар, армян).

Совместное использование переписей населения и домовых книг позволило выявить тенденции в изменении расселения этнических меньшинств по территории Москвы, наметившиеся к началу 1920-х годов. Миграции населения во время мировой и гражданской войн не оказали существенного влияния на смещение концентрации иноэтнических групп с востока на запад города, а ускорили его в сравнении с началом XX в. Такое смещение привело к

образованию новых районов концентрации этнических меньшинств в западных и юго-западных районах Москвы. Наиболее стабильная ситуация сохранялась на юго-востоке Москвы, где этнический состав населения оставался относительно однообразным за изучаемый период времени.

Теоретическая и практическая значимость работы заключается в применении комплексного подхода к изучению населения крупного города путем комбинирования результатов переписей населения и данных домовых книг. Кроме того, введение в научный оборот домовых книг Москвы позволит восполнить существующие пробелы в знании о пространственном размещении ее населения в первые годы советской власти. Новые знания о динамике этнической структуры населения Москвы в конце XIX – первой четверти XX вв. дают представления о том из каких регионов пополнялись мигрантами те или иные этнические группы, а также об их расселении по территории города в переломный период истории России.

Положения, выносимые на защиту:

1. Анализ информации из городских и общероссийских переписей 1897–1926 гг. позволил получить новые данные о локализации основных этнических групп на территории Москвы.

2. В условиях недостатка источников по первым годам советской власти, отсутствия этнических показателей во многих из них, домовые книги являются важным массовым документом первичного характера, позволяющим в сочетании с переписями населения оценить динамику этнической структуры населения Москвы в конце XIX – первой четверти XX вв.

3. Применение методов обработки и анализа антропонимического материала из домовых книг в совокупности с такими сведениями о жильцах как регион выхода, вероисповедание, родственные связи, социальная принадлежность, позволяют получить представление о тенденциях в динамике этнического состава, расселении этнических меньшинств, а также направлениях миграций, влиявших на формирование населения Москвы в 1918–1921 гг.

4. В начале XX в. расселение разных этнических меньшинств по территории Москвы имело как свои особенности, так и общие закономерности. Армяне, евреи, немцы и латыши, предпочитали центральные городские участки, а украинцы, белорусы, поляки, литовцы, эстонцы и татары концентрировались как в центре, так и на окраинах. Общей тенденцией являлось смещение концентрации большинства этнических меньшинств с восточной в западную часть города.

5. Вынужденные массовые миграции, вызванные Первой мировой войной, существенно изменили этническую структуру населения Москвы. Особенностью этого периода стали отрицательный прирост доли русского населения города и повышение удельного веса иноэтнических групп в два раза за 1915–1916 гг.

6. В первые годы советской власти происходил отток беженцев и вынужденных переселенцев из Москвы, снижалась доля большинства этнических меньшинств, представленных выходцами из западных губерний России. С одной стороны, формирование этнической структуры населения Москвы возвращалось к показателям мирного времени, с другой – наметились новые растущие миграционные потоки еврейского населения из Украины и Белоруссии, а также этнических групп из республик и территорий, вошедших в состав Советского Союза (белорусов, украинцев, татар, армян).

7. В динамике совокупной локализации этнических меньшинств в 1912–1926 гг. имело место ускорение ее смещения из восточной в западную часть города, наметившегося еще в начале XX в. Занятие этническими меньшинствами новых ниш городского пространства Москвы выражалось в образовании новых ареалов их концентрации: поляков, украинцев и белорусов на юге; литовцев, латышей и эстонцев – на юго-западе и юге; немцев – на западе; евреев – на юго-западе и западе; татар – на северо-востоке; армян – на юго-западе. В то же время у отдельных иноэтнических групп происходил рост концентрации в местах первоначального образования их общин: у армян такой район примыкал к центру города с востока; у татар находился на северо-востоке внутри Садового кольца. Одновременно, устойчиво низкая локализация иноэтничного по отношению к русским населения продолжала сохраняться на юго-востоке Москвы.

Степень достоверности и апробация. Повышению достоверности исследования способствовала массовость привлекаемого материала, а также подробный анализ структуры, содержания и информативности источников. Комбинирование данных обследованных домовых книг и переписей населения продемонстрировало отсутствие принципиальных расхождений между их показателями, что позволяет обеспечить уровень точности полученных результатов, необходимый для целей и задач исследования.

По теме диссертации опубликовано пять научных статей, четыре из которых вышли в журналах, входящих в список рекомендованных ВАК, одна – в сборнике, входящем в систему РИНЦ. Одна из научных статей вышла в журнале, рецензируемом международными системами SCOPUS и WoS.

Апробация отдельных этапов исследования проведена на четырех конференциях, в том числе всероссийских: «Теория и практика исследования этнокультурных комплексов» (Санкт-Петербург, 2015 г.), «Динамика этнокультурных процессов. Актуализация и музеефикация этнического: в поисках себя» (Санкт-Петербург, 2018 г.), «Социокультурное многообразие в современном мире» (Москва, 2018 г.), XIII Конгресс антропологов и этнологов России (Казань, 2019 г.).

Структура работы. Диссертация включает введение, четыре главы, заключение, список используемых источников и литературы, а также приложение. Для решения поставленных задач понадобился анализ переписей населения и домовых книг первой четверти XX в. как нового массового источника о населении Москвы, вводимого в научный оборот. Поэтому объем источниковедческой части работы занял две первые главы, первая из которых посвящена анализу сведений об этнической принадлежности жителей Москвы в переписях конца XIX – первой четверти XX вв., а также содержанию домовых книг. Во второй главе домовые книги проанализированы в качестве антропонимического источника, на основе чего получены оценочные сведения об этническом составе жильцов. Работа, проделанная в двух первых главах, позволила перейти к анализу динамики численности и расселения этнических меньшинств на территории Москвы в конце XIX – первой четверти XX вв., который произведен в третьей и четвертой главах.

В приложение вынесено 38 картосхем, на которых с помощью цветного выделения частей, участков и районов Москвы наглядно представлена степень локализации для каждой из обследованных иноэтнических групп в 1897, 1912 и 1923 г.

Основное содержание работы

Первая глава диссертации «**Источники сведений об этническом составе населения Москвы в конце XIX – первой четверти XX вв.**» включает четыре параграфа. Первый из них «Общероссийские и городские переписи населения Москвы как основа для определения этнического состава жителей города» освещает историографию восьми переписей периода 1897–1926 гг., в которых сосчитано население Москвы – всеобщих, городских, местных¹³.

Наиболее изученными являются переписи 1897 и 1926 г. Большинство исследователей отмечали недостатки методологии переписи 1897 г., ее организаторы стремились приблизить понятие родного языка к национальности, однако им не удалось в полной мере отразить этнический состав населения¹⁴. Основные достоинства переписи 1926 г. видятся авторами в

¹³ Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.; Перепись Москвы 1902 г.; Перепись г. Москвы 6 марта 1912 г.; Всероссийская городская перепись населения 1917 г.; Перепись населения г. Москвы 21 апреля 1918 г. (проведена в рамках Всероссийской промышленной и профессиональной переписи); Всеобщая перепись 1920 года, демографическо-профессиональная и сельскохозяйственная, с учетом промышленных предприятий; Всесоюзная городская перепись 1923 г.; Всесоюзная перепись населения 1926 года.

¹⁴ См., например: Пландовский В.В. Народная перепись. СПб., 1898. 378 с.; Гозулов А.И. Переписи населения СССР и капиталистических стран. М.: Ред.-изд. упр. ЦУНХУ Госплана СССР и В/О «Союзоргучет», 1936. 588 с.

качественной методологии, в ней наиболее полно и точно учтена этническая принадлежность граждан¹⁵.

Менее изучены переписи 1917, 1920 и 1923 годов¹⁶. В 1917 г. проведена городская перепись, с ограниченной программой, не содержащей сведений об этнической принадлежности населения. Программа переписи 1920 г. подверглась существенному сокращению, однако в ней впервые на всероссийском уровне был введен вопрос о национальности. Перепись 1923 г. довольно точно учла городское население и также содержала вопрос о национальности.

Наименее исследованы местные переписи населения Москвы 1902, 1912 и 1918 годов¹⁷. В 1902 г. перепись состоялась на высоком уровне, а ее результаты были разработаны и изданы в течение шести лет. Разработка переписи 1912 г. не была завершена из-за начала войны, а ее особенности остаются слабо изученными. Недостаточно изучена и перепись Москвы 1918 г., когда городское население стремительно сокращалось.

Во втором параграфе «Языковой, конфессиональный и этнический состав населения Москвы в общероссийских и местных переписях» анализируются прямые и косвенные сведения об этнической принадлежности в переписях населения Москвы 1897–1926 гг., включающие его родной язык, вероисповедание, национальность, народность.

Особенностью дореволюционных переписей, является отсутствие прямых сведений об этнической принадлежности населения, которые, однако, можно отчасти восполнить на основе данных о родном языке и вероисповедании¹⁸. Разработчики переписи 1897 г. подвергли корректировке данные о родном языке, чтобы по возможности приблизить их к реальному этническому составу, что выразилось в увеличении доли белорусов и украинцев в несколько раз по сравнению с переписями 1902 и 1912 г. При сравнении доли остальных наиболее многочисленных языковых групп во всех трех переписях эта разница не носит принципиального характера. Чтобы точнее определить численность евреев и армян по дореволюционным переписям в качестве основного признака использовалось их вероисповедание, как религия, исповедуемая представителями одного этноса.

¹⁵ См., например: Воробьев Н.Я. Всесоюзная перепись населения 1926 г. М.: В/О «Союзоргучет». Ред.-изд. упр., 1957. 107 с.; Жиромская В.Б. Всесоюзные переписи населения 1926, 1937, 1939 годов: История подготовки и проведения // История СССР. 1990. №3. С. 84–104.

¹⁶ См., например: Абузаров А.А. Методика проведения всероссийских переписей населения 1917 и 1920 гг. // Археография Южного Урала: исторический и современный опыт народов Волго-Уральского региона в развитии и укреплении архивного дела. Уфа, 2008. С. 53–57; Халимова Э.С. Социальная типология городского населения Сибири по материалам демографической переписи населения 1923 года // Хозяйственное освоение Сибири. История, историография, источники. Вып. 1. 1991. С. 188–215.

¹⁷ Гозулов А.И. Местные переписи населения до революции (1861–1917) // Ученые записки РФЭИ. Т. 1. Ростов-на-Дону: Ростовское областное ведомственное издательство, 1941. С. 249–307.

¹⁸ Юхнева Н.В. Этнический состав и этносоциальная структура населения Петербурга, вторая половина XIX – начало XX века. Л.: Наука, 1984. С. 9–11.

В советских переписях 1920, 1923 и 1926 г. содержатся данные о национальности и народности населения Москвы. Основанные на самоопределении опрашиваемого, они точнее определяли этническую принадлежность, чем родной язык в имперское время. Определения национальности и народности во всех трех случаях имели некоторые различия, происходящие из исторического контекста. Отличие народности от национальности выразилось в том, что перепись 1926 г. полнее учла малочисленные этнические группы, чем две предыдущие. Однако для наиболее многочисленных этнических групп такая разница в подходах не внесла принципиального изменения в соотношении их удельного веса.

В третьем параграфе «Домовые книги как новый массовый источник сведений о населении Москвы» приведены те немногочисленные работы, в которых упомянуты домовые книги, а также проанализированы их особенности в сравнении с источниками церковного учета. Параграф также содержит историю формуляра домовых книг во взаимосвязи с документами, которые их регламентировали.

В работе А.С. Сухоруковой приведены содержание формуляра и особенности заполнения некоторых граф домовых книг Петербурга 1899–1918 годов¹⁹. Эпизодически домовые книги конца XIX – первой четверти XX вв. упоминались в работах А.И. Гозулова, Д.М. Демидович, Е.А. Кирилловой, Е.Д. Юхневой, Д.Н. Понуждаева.

В большинстве случаев отечественная историография обращается к другим массовым источникам о населении – метрическим книгам и исповедным росписям, использовавшимся в Российской империи в XVIII – начале XX веков²⁰. Однако, источникам церковного происхождения свойственна конфессиональная узость. Напротив, домовые книги одинаково учитывали всех граждан, вне зависимости от их вероисповедания. Тем не менее, домовые книги еще не становились объектом отдельного научного исследования и не применялись как источник для получения массовых данных о населении.

Еще в первой половине XIX в. домовые книги использовались в Москве для регистрации прибывавших и выбывавших жильцов. Имперское законодательство о домовых книгах устанавливало общие принципы их использования, конкретизированные постановлениями Московского градоначальника. На заре советской власти правила ведения и форму книг устанавливал Моссовет, а порядок регистрации жильцов после 1917 г. не претерпел принципиальных изменений. Специфическая особенность домовых книг первых лет советской

¹⁹ Сухорукова А.С. Петербургский доходный дом как элементарное звено городской административно-полицейской системы // Петербургские исследования: сб. науч. статей. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2006. С. 181–189.

²⁰ Миронов Б.Н. Исповедный и метрический учет в имперской России // Материалы церковно-приходского учета населения как историко-демографический источник. Барнаул, 2007. С. 8–47.

власти состоит в том, что имея формуляр времен империи, они использовались в условиях смены общественно-политического строя.

Четвертый параграф «Данные домовых книг о жителях города **из** пяти участков Москвы» посвящен особенностям отбора домовых книг, а также формированию на их основе базы данных о жильцах²¹. Учитывая совместимость территориального деления Москвы до и после революции на уровне городских участков, отбор домовых книг осуществлен с привязкой к советским милицейским участкам, общее количество которых составляло 49 единиц.

Выбор домов осуществлялся по их принадлежности к участкам, которые ранее входили в 17 городских частей Москвы – наиболее сложившемуся и застроенному городскому пространству в начале XX в. Напротив пригороды, включенные в городскую черту только в начале XX в., имели низкоэтажную застройку и находились на стадии перехода от сельских территорий к городским окраинам²². Ориентиром для степени застройки городской территории также являлся план Москвы 1925 г. (рисунок 1). Первым участком, случайным образом определено отделение милиции № 16, остальные четыре (№№ 32, 39, 41, 45) выбраны с учетом их равномерного расположения на территории бывших 17 городских частей и наличия в архиве сохранившихся домовых книг, непрерывно заполнявшихся в течение 1918–1921 гг. В результате отобрана 21 домовая книга, то есть на каждое из пяти отделений милиции пришлось по несколько домов. Можно сказать, что наши материалы репрезентативны именно для этой центральной и средней, наиболее застроенной части города Москвы, но не для ее окраин первой четверти XX в.

Выбранные экземпляры книг, позволяют проследить динамику имеющихся признаков за четыре года²³. На каждое из отделений милиции пришлось от 1 277 до 1 632 записей в домовых книгах, что в сумме составило 7 325 пунктов. В общей численности населения каждого из пяти милицейских участков доля жильцов из домовых книг составила от 1,1% до 3,1% на дату переписи 28 августа 1920 года²⁴. Для удобства обработки данных, записи о жильцах были перенесены в электронные таблицы, что существенно упростило исправление и восстановление большинства неточных или недостающих сведений.

²¹ Домовые книги хранятся в Центральном государственном архиве города Москвы (ЦГАМ).

²² В 1918 г. на территории 17 городских частей Москвы на одно жилое владение приходилось в среднем по 11 квартир, в то время как на территории пригородов этот показатель составлял всего 4 квартиры, что указывает на почти трехкратную разницу между ними в высотности застройки. Рассчитано автором: Статистический ежегодник г. Москвы и Московской губернии. Вып. 2. Статистические данные по г. Москве за 1914–1925 гг. М., 1927. С. 10, 11.

²³ ЦГАМ. Ф. 1331. Оп. 3. Д. 301, 315, 371; Ф. 1331. Оп. 6. Д. 12, 13, 15, 28, 32; Ф. 1331. Оп. 7. Д. 385, 424, 454, 457, 464, 468, 475, 476, 520; Ф. 1331. Оп. 8. Д. 104, 122, 125, 146.

²⁴ Рассчитано автором: Статистический ежегодник г. Москвы и Московской губернии. Вып. 2. Статистические данные по г. Москве за 1914–1925 гг. М., 1927. С. 13; ЦГАМ. Ф. 1331. Оп.3. Д. 301, 315, 371; Оп. 6. Д. 12, 13, 15, 28, 32; Оп. 7. Д. 385, 424, 454, 457, 464, 468, 475, 476, 520; Оп. 8. Д. 104, 122, 125, 146.

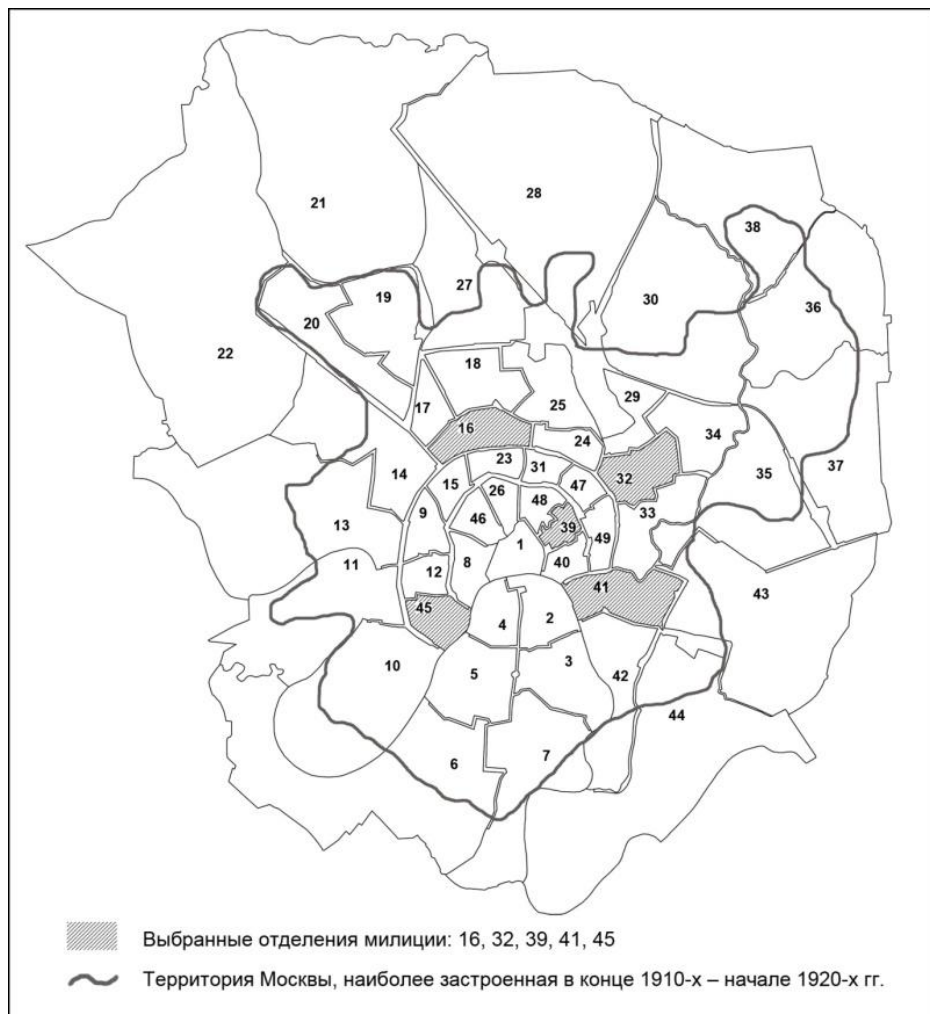

Рисунок 1. Схема отделений милиции Москвы, по плану 1925 года²⁵.

Вторая глава «Домовые книги как антропонимический источник» состоит из трех параграфов. В первом из них «Дискуссии о взаимосвязи антропонимических и этнографических данных в массовых источниках» рассмотрены различные аспекты изучения языковых и этнических особенностей имен собственных. Из всех косвенных сведений об этнической принадлежности жильцов, содержащихся в домовых книгах, именно антропонимы в наибольшей степени нагружены этнокультурной информацией.

Взаимосвязь антропонимов с этнокультурной семантикой исследовали выдающиеся советские ученые В.А. Никонов и А.В. Суперанская. Это направление продолжают развивать такие современные авторы как Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров, О.В. Кисель, Л.Н. Алешина, Г.Б. Мадиева, В.И. Супрун, У.П. Природина. Изучению трансформации имен в результате этнических контактов посвящены работы А.М. Решетова, В. Васченко, С.И. Гарагули, З.М. Богословской, Р.А. Малковой, Ю.В. Щеголихиной. Данные антропонимики позволили И.Л.

²⁵ Составлено автором на основании: План Москвы исправленный и дополненный по новейшим данным изд. 1925 г. // URL: <http://retromap.ru/forum/viewtopic.php?t=93> (дата обращения: 19.08.2021 г.).

Жеребцову, Л.Н. Жеребцову, А.Г. Новожилову, И.А. Кюршуновой подойти к определению этнического состава населения тех или иных регионов в прошлом. Таким образом, существует широкое дискуссионное поле по вопросам взаимосвязи антропонимики и этнографии, представленное исследованиями советских ученых с начала 1970-х гг. и получившее свое развитие в работах современных авторов.

Второй параграф «Языковые и культурные особенности формирования антропонимических моделей» раскрывает специфику антропонимических систем наиболее многочисленных этнических групп Москвы в первой четверти XX в.: русских, евреев, поляков, латышей, немцев, литовцев, белорусов, украинцев, татар, эстонцев, армян. К началу XX в. их антропонимические модели прошли долгий путь от одноименной формулы к двучленной или трехчленной. На начальном этапе становления антропонимических моделей бытовали древние национальные имена, образованные от апеллятивов, в последующем, значительное влияние на личные имена оказали религии. Причиной заимствования иноязычных антропонимов и их отдельных компонентов стали этнические контакты на протяжении веков. Формирование и распространение фамилий происходило у представителей разных языковых систем в период XV–XIX вв. на основе патронимов, матронимов, прозвищ, либо с помощью специфичных суффиксов, окончаний, других компонентов. Несмотря на сходства, каждая антропонимическая система имеет уникальную совокупность внутренних форм, звучания и произношения, а также внутренней структуры, что позволяет выделить ее среди прочих.

В третьем параграфе «Антропонимы в домовых книгах Москвы и этнический состав жильцов» проанализированы особенности внесения в домовые книги антропонимических моделей, с помощью которых произведено определение этнического состава жильцов.

В домовые книги вносились фамилия, имя и отчество жильца по правилам русской, белорусской и украинской антропонимических моделей. Языковые системы других этнических групп не предполагали отчества и включали только два члена, каждый из которых мог состоять из нескольких элементов, что приводило к возникновению в записях домовых книг конструкций с несколькими именами и отчествами. Однако, несмотря на множество иноязычных антропонимов, неудобных для русской языковой системы, они в абсолютном большинстве адекватно транскрибированы, а выявленные неточности и ошибки не влияют на распознавание оригиналов.

Основу для определения этнического состава жильцов составили их антропонимы, регион выхода и вероисповедание. В отдельных случаях привлекались сведения о социальной принадлежности и родственных связях, что вовлекло в анализ до семи признаков и существенно снизило вероятность ошибки. В то же время, применяемый метод не исключает возможности взаимного пересечения этнических групп, степень которого, однако, ограничена

массовостью привлекаемого материала, вследствие чего отдельные ошибки взаимокompенсируются. В ходе классификации из 6442 жильцов определена этническая принадлежность 6154 человек, из которых абсолютное большинство (4906 чел.) причислены к русским, а большая часть остальных – к этническим группам, преобладавшим в западных губерниях России (евреям, немцам, полякам, белорусам, украинцам, латышам, эстонцам, литовцам). Полученные данные позволяют проследить тенденции в динамике этнического состава населения Москвы в 1918–1921 гг. в совокупности с регионами выхода мигрантов, а также анализировать их совместно с результатами переписей населения.

Третья глава диссертации «**Пространственное распределение этнических групп на территории Москвы до Первой мировой войны по данным переписей**» насчитывает два параграфа. В первом параграфе, «Этнические меньшинства на территории Москвы до конца XIX в.», описана история формирования иноэтнических групп Москвы, а также их последующего расселения на ее территории.

До начала XVIII в. этнические меньшинства формировались обособленно в иноземных слободах за городской чертой на северной, восточной и южной окраинах Москвы. В их состав входили выходцы из Польши и Литвы (белорусы, литовцы, поляки), Западной Европы (немцы, голландцы, англичане, шведы, итальянцы, французы), а также татарское население. В XVIII – первой половине XIX вв. иноэтнические группы стали свободнее расселяться по Москве, появились новые места их концентрации в Мясницкой части, примыкавшей к самому центру города с востока. Там же, с середины XVIII в. начала формироваться армянская община, а в районе Зарядья в самом центре Москвы с конца XVIII в. концентрировалось еврейское население. Во второй половине XIX в. численный рост этнических меньшинств Москвы ускорился, возростал дисперсный характер их размещения. Тогда же, с ростом этнического самосознания латышей и эстонцев происходило обособление их немногочисленных общин от основной массы лютеран Москвы, представленной немцами.

Во втором параграфе «Локализация этнических групп в Москве за 1897–1912 гг.» произведен анализ динамики размещения этнических меньшинств на территории Москвы в конце XIX – начале XX вв. Для этого привлечены результаты переписей населения 1897 и 1912 г., содержащие сведения, позволяющие оценить его этническую принадлежность и распределение по 17 городским частям. Такой комплекс данных позволил определить долю каждой этнической группы в населении отдельной административно-территориальной единицы Москвы, а затем рассчитать коэффициент локализации для каждой этнической группы, дающий представление о степени ее концентрации на определенной территории.

В 1897 г. наибольшая совокупная локализация этнических меньшинств Москвы имела место внутри Садового кольца, являясь максимальной на востоке в Яузской части и постепенно

понижаясь в западном направлении. За 1897–1912 гг. произошло повышение концентрации этнических меньшинств Москвы внутри Садового кольца, в основном за счет ее роста к западу от Яузской части – в Мясницкой, Сретенской, Арбатской, Пречистенской частях. Напротив, за пределами Садового кольца, в 3-м поясе Москвы, проявилась тенденция к снижению кучности расселения иноэтнических групп. В то же время, примыкавшие к центру города Рогожская часть с юго-востока и Якиманская – с юга, не привлекали большинства иноэтнических групп, локализация которых оставалась там ниже среднегородских значений.

Четвертая глава «Влияние миграций военного и послереволюционного времени на этнические группы Москвы в 1915–1923 гг. (по данным переписей и домовых книг)» разделена на три параграфа. В первом параграфе «Беженцы в населении Москвы во время Первой мировой войны» произведена оценка численности мигрантов военного времени во взаимосвязи с динамикой соотношения этнических групп.

Резкий приток выходцев из западных губерний России в Москву вносил в ее этническую структуру существенные изменения нехарактерные для мирного времени. Если в 1908–1911 гг. доля наиболее многочисленных этнических групп кроме русских составляла в населении Москвы примерно 6–7%, то за два военных года она возросла до 13,2%. В то же время призыв в армию и ухудшение экономической ситуации привели к снижению доли русского православного населения Москвы на 11,2% к концу 1916 г. Этот отток частично восполнялся русскими старообрядцами – вынужденными переселенцами из западных губерний империи. Наряду с русским населением происходил отток из Москвы немцев, до войны составлявших в ней вторую по численности этническую группу. Снижение в населении Москвы численности немцев, а значит и протестантов, компенсировали ранее немногочисленные латыши и эстонцы, которые в начале 1917 г. по численности уже были сопоставимы с немцами, составляя в населении города по разным данным от 0,8% до 1,5%. Самой многочисленной иноэтнической группой Москвы за два военных года стали поляки, удельный вес которых вместе с литовцами и белорусами-католиками к началу 1917 г. достиг 8,5%, то есть вырос почти в три раза.

Благодаря конфессиональной однородности, точнее прослеживается динамика численности татар и армян Москвы, доля которых повысилась за 1915–1916 гг. на четверть. Существенно возросли миграции еврейского населения в Москву из западных губерний, после фактической отмены «черты оседлости» в 1915 г. их доля за 1915–1916 гг. выросла в 2 раза, а к середине лета 1917 г. повысилась еще в два с половиной раза, составив 3,4% в населении города. Таким образом, приток вынужденных переселенцев в Москву шел из западных губерний и в течении 1917 г., когда общее снижение численности населения города приняло явные формы.

Миграционный прирост или убыль этнических меньшинств Москвы после начала войны не всегда зависели от их численности в довоенное время и в некоторых случаях происходили непропорционально, в результате чего заметно снижался удельный вес немцев, а повышался – поляков, латышей и евреев.

Во втором параграфе «Особенности динамики этнического состава населения Москвы в первые годы советской власти (1918–1921 гг.)» на основе материалов из домовых книг произведен анализ тенденций в динамике соотношения этнических групп во взаимосвязи с регионами выхода мигрантов, которыми они пополнялись.

С весны 1917 по август 1920 г. происходил массовый отток населения из Москвы, численность которого снизилась за этот период с двух до одного миллиона человек. После окончания войны начался возврат на родину беженцев и вынужденных переселенцев, в результате чего за 1918–1920 гг. в населении Москвы выросла доля русских и снизился удельный вес выходцев из западных губерний – немцев, поляков, литовцев, латышей, эстонцев, белорусов, украинцев. Напротив, образование новых государств на территории бывшей Российской империи способствовало продолжению миграции в Москву евреев, доля которых по данным домовых книг за 1918–1921 гг. выросла в 1,5 раза. С конца 1920 г. наметился рост населения Москвы, на фоне которого ее этнический состав начал стабилизироваться.

Важным фактором, влиявшим на степень миграционной активности населения Москвы в 1918–1921 гг., являлась зависимость соотношения этнических групп от губерний выхода мигрантов. Выходцы из разных регионов, принадлежащие к одному этносу, по-разному реагировали на быстро меняющуюся действительность, ускоряя его отток из Москвы или наоборот – способствуя росту относительной численности. Так, опережающими темпами убывали из Москвы прибалтийские немцы и поляки из Царства Польского. Для русских было характерно повышение доли прибывших в Москву из юго-восточных губерний, но снижение удельного веса мигрантов с северо-запада. Среди евреев Москвы в 1918–1921 гг. возрастал процент мигрантов из губерний с преобладанием носителей белорусско-литовского и украинского языков.

Третий параграф «Тенденции в размещении отдельных этнических меньшинств Москвы к началу 1920-х гг.» посвящен анализу изменений, произошедших в расселении этносов Москвы на основе материалов переписей населения 1912 и 1923 г., а также сведений из домовых книг об этническом составе жильцов за 1920 год. Сравнение локализации этнических меньшинств в пяти участках Москвы по данным домовых книг 1920 г. и результатам переписи 1912 г. показало, что книги как источник отражают общие тенденции с переписями, но также имеют и свои особенности, обусловленные выборочностью данных, а также разницей в 8 лет, в течение которых этническая структура Москвы деформировалась под влиянием миграций

военного времени. Домовые книги, как и переписи населения, выявили тенденцию к сдвигу концентрации большинства иноэтнических групп из восточных в западные участки Москвы, а также низкий уровень локализации большинства из них на юго-востоке города. В то же время данные домовых книг отразили новые тенденции на северо-востоке Москвы, где происходило снижение локализации латышей и эстонцев, но повышение – евреев, татар и украинцев. Кроме того, по данным домовых книг 1920 г. имела место сверхконцентрация немцев в центре города и украинцев на юго-западе, чего не наблюдалось по результатам переписей.

Представление о динамике размещения этнических меньшинств Москвы к началу 1920-х гг. дает сравнение результатов переписи 1912 г. с архивными данными городской переписи 1923 года²⁶, где этнические группы распределены по районам города – шести крупным административно-территориальным единицам, образованным в 1922 г. За 1912–1923 гг. ареалы концентрации украинцев, поляков и литовцев смещались с севера и центра города на запад, а затем на юг Москвы. О динамике расселения белорусов судить сложнее из-за отсутствия данных за 1912 г., однако их высокая локализация на западе и юго-западе Москвы, зафиксированная в 1920 г. и 1923 г. определенно указывает на схожие тенденции. Продолжалось смещение концентрации немцев из восточных в западные участки города внутри Садового кольца, с одновременным ростом кучности их проживания. Ареалы концентрации латышей и эстонцев смещались с востока на запад города, а затем на юго-запад внутри Садового кольца и на юг в Замоскворечье. Схожая картина смещения с востока на запад и особенно юго-запад города прослеживается также у евреев, однако без распространения на юг Москвы в Замоскворечье. Иное направление расселения в Москве имело место у татар, концентрация которых смещалась с севера на северо-восток внутри Садового кольца, а также возрастала в районе их более раннего поселения на юге в Замоскворечье. За 1912–1923 гг. изменения в концентрации армянского населения происходили в направлении с северо-запада на юго-запад. Что касается совокупной локализации этнических меньшинств, то за 1912–1923 гг. происходило ускорение ее смещения с востока на запад и юго-запад Москвы по сравнению с началом XX в.

Итоги исследования подведены в **Заключении**. С целью проследить динамику численности и размещения этнических меньшинств в Москве в конце XIX – первой четверти XX вв. разработана и применена комплексная методика анализа источников разных периодов, сочетающая переписи населения и домовые книги с учетом их взаимной критики и коррекции. Чтобы выстроить непрерывность в источниковой базе между исследованием дореволюционного и раннесоветского периодов, в научный оборот вводится новый массовый

²⁶ Статистические сведения по переписи 1923 г. // ЦГАМ. Ф. 126. Оп. 13. Д. 21. Л. 18.

источник о населении Москвы – домовые книги 1918–1921 гг. Для этого потребовалось проанализировать переписи и домовые книги как источники сведений, позволяющих определить этнический состав населения Москвы.

В процессе исследования разработана методика обработки и анализа антропонимического материала из домовых книг, позволившая оценить этнический состав жильцов, причем использовались не только антропонимы, но и такие дополнительные признаки как вероисповедание, регион выхода, социальная принадлежность, родственные связи. Этнический состав жильцов 1918–1921 гг. по изученным домовым книгам использован как ориентир, дающий представление о тенденциях в динамике размещения этнических групп в населении Москвы, а также о соотношении мигрантов по регионам выхода, которые их пополняли.

С конца XIX в. до начала Первой мировой войны соотношение этнических групп Москвы менялось незначительно, без резких колебаний, 95% населения составляли русские по языку. Среди оставшихся 5% наиболее многочисленными по языку являлись: немцы, поляки, евреи, украинцы, татары, армяне, белорусы, латыши, литовцы, эстонцы. Несмотря на то, что к началу XX в. этнические меньшинства давно расселились за пределы мест своей первоначальной концентрации, до войны кучность проживания большинства из них сохранялась или возрастала в пределах центра города. В то же время существовала тенденция к сдвигу концентрации этнических меньшинств с востока на запад центральной части города.

На последующее формирование этнического состава населения Москвы значительное влияние оказали вынужденные миграции времен Первой мировой войны. С 1915 г. во вторую столицу существенно возрос поток беженцев и вынужденных переселенцев из западных губерний страны. По оценке, основанной на анализе конфессионального состава населения, доля иноэтнических групп Москвы к началу 1917 г. повысилась в два раза. Но уже начиная с 1918 г., доля большинства представителей западных губерний в населении города начала падать в связи с возвратом беженцев на родину. Со снижением доли немцев, поляков, украинцев, белорусов, латышей, литовцев, эстонцев в Москве возрастал удельный вес русских и евреев.

Со спадом общей численности населения города приезжие убывали быстрее местных жителей, поэтому их доля снижалась, в то же время, темпы прироста различных этнических групп зависели и от региона выхода мигрантов. Наибольший вклад в снижение численности выходцев из западных губерний за 1918–1921 гг. внесли поляки и немцы, до войны являвшиеся наиболее многочисленными из всех этнических меньшинств Москвы. У немцев быстрее остальных убывали выходцы из Прибалтики, у поляков – из Польши. На фоне повышения доли русских в населении Москвы менялось и соотношение выходцев из ближайших губерний,

возрастал процент мигрантов из населенных пунктов юго-восточного направления, но снижался с северо-западного. Среди евреев нарастал процент выходцев из Белоруссии и Украины.

В первой половине 1920-х гг. формирование этнической структуры населения Москвы входило в мирное русло, однако влияние миграций периода Первой мировой и Гражданской войн, продолжало сказываться. К 1926 г. в населении Москвы наметились две наиболее многочисленные этнические группы, доля которых была на порядок выше, чем у остальных – русские и евреи. Первые, хотя и сохранили абсолютное большинство в 87,5%, однако не достигли довоенного уровня. Доля вторых увеличилась до 6,5% вследствие роста миграций еврейского населения в Москву как в военное, так и уже в мирное время.

Если до Первой мировой войны большинство иноэтнических групп концентрировалось на востоке Москвы, то через 8–11 лет их наибольшая локализация сдвинулась в юго-западную часть города, где она была невысокой еще в 1912 г., но уже к 1923 г. являлась наибольшей в изучаемый период. Украинцы, белорусы, поляки и литовцы преимущественно концентрировались за пределами Садового кольца, а немцы, латыши, эстонцы, евреи, татары и армяне предпочитали центральные городские участки – на западе и юго-западе. В то же время даже с учетом роста на юге локализации украинцев, поляков, литовцев, латышей, эстонцев, татар, Замоскворечье все еще оставалось территорией их невысокой концентрации. А бывшая Рогожская часть на юго-востоке также, как и в начале XX в. не привлекала большинства иноэтнических групп за исключением украинцев, белорусов и поляков. Таким образом, несмотря на существенные изменения в соотношении мигрантов Москвы по регионам выхода, тенденции к смещению этнических меньшинств из восточную в западную часть города до мировой войны, получили свое ускорение в первой половине 1920-х гг.

Для дальнейшего развития такого рода исследований о размещении этнических меньшинств Москвы важным остается вопрос о факторах, влиявших на формирование предпочтений в выборе места жительства на территории города в первой четверти XX в., как среди местных жителей, так и мигрантов. В русле этой же проблемы лежат вопросы о выборе направлений в расселении отдельных этнических меньшинств, а также сохранении районов их низкой концентрации. Новые сведения по теме может дать дальнейший поиск сведений об этническом составе населения Москвы с распределением по милицейским участкам, которые могут содержаться в архивных материалах ранних советских переписей 1920, 1923 и 1926 г. Особый интерес вызывает работа с последующими советскими и современными переписями, содержащими данные об этническом составе населения Москвы с распределением по дробным административно-территориальным образованиям. Эти данные позволят получить динамику расселения этнических меньшинств на территории Москвы за период более чем 100 лет.

Список работ, опубликованных по теме диссертации

Публикации в научных изданиях, рекомендованных ВАК:

1. Григорян Г.Ш. Особенности локализации этнических групп на территории пяти участков Москвы в 1912–1920 гг. (по данным домовых книг) // Известия Смоленского государственного университета. 2018. № 3(43). С. 357–374.
2. Григорян Г.Ш. Влияние этнических процессов на региональный состав мигрантов Москвы после начала Первой мировой войны // История: факты и символы. 2019. № 1(18). С. 19–32.
3. Григорян Г.Ш. Домовые книги как этнодемографический источник изучения населения Москвы (1918–1921 гг.) // Новейшая история России. 2019. Т. 9. № 4. С. 1042–1057.
4. Григорян Г.Ш. Изменения этнического состава населения Москвы во время Первой мировой войны // Вестник антропологии. 2021. № 3. С. 304–319.

Публикации в других научных изданиях:

5. Григорян Г.Ш. Домовые книги как этнодемографический источник // Теория и практика исследований этнокультурных комплексов. Тезисы докладов научной конференции, посвященной 65-летию со дня рождения В.А. Козьмина. СПбГУ, 2015. С. 42–43.
6. Григорян Г.Ш. Локализация этнических групп на территории пяти участков Москвы в 1912–1920 гг. // Динамика этнокультурных процессов. Актуализация и музеефикация этнического: в поисках себя. Тезисы Четвертой всероссийской (с международным участием) конференции. СПбГУ, 2018. С. 81–83.
7. Григорян Г.Ш. Миграции в Москву из малых городов Центральной России в первой четверти XX в. // XIII Конгресс антропологов и этнологов России: сб. материалов. Казань, 2–6 июля 2019 г. М.–Казань: ИЭА РАН, КФУ, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2019. С. 460.
8. Григорян Г.Ш. Домовые книги Москвы 1917–1921 гг.: отражение социальных процессов при переходе к новому общественному устройству // Социокультурное многообразие в современном мире. По материалам конференции молодых ученых. Москва, 11–13 декабря 2018 г. М.: ИЭА РАН, 2019. С. 26–39.